

The background of the cover is a traditional Japanese-style illustration of a seascape. In the distance, a large, snow-capped mountain (likely Mount Fuji) rises against a pale blue sky. The middle ground shows a calm sea with a small boat with a white sail. The foreground is dominated by large, stylized blue waves with white foam, crashing onto a sandy beach. The style uses flat colors and fine black outlines, characteristic of Edo-period woodblock prints.

ЮКИО
МИСИМА

Шум прибоя

АЗБУКА-КЛАССИКА

Юкио Мисима

Шум прибоя

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841157
Шум прибоя: Азбука, Азбука-Антикус; СПб.; 2022
ISBN 978-5-389-21710-2

Аннотация

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота).

В настоящее издание вошел роман «Шум прибоя», в котором с глубоким психологизмом и виртуозностью стиля рассказана история любви между юным рыбаком и дочкой богача, вдохновленная древнегреческой повестью о Дафнисе и Хлое.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юкио Мисима

Шум прибора

Yukio Mishima

SHIOSAI

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1954

All rights reserved

© А. Е. Вялых, перевод, 2002

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Утадзима – островок небольшой и по населению, и по размерам. В окружности едва достигает одного ри, а живет на нем около тысячи четырехсот человек.

На острове есть два красивых места.

Первое – храм Хатидай на северо-западе самой высокой горы острова, с великолепным видом на бухту Исэ.

На севере лежит полуостров Тита, а на северо-востоке – полуостров Ацуми. На западе, со стороны рисовых наделов на склонах горы Удзи, виднеется городок Ёккайти.

Если подняться по каменной лестнице до ворот, охраняемых заморскими каменными львами, то примерно на двухсотой ступени, как в стародавние времена, перед нашим взором предстанет бухта Исэ. Раньше символами ворот были две сосны на подходе к храму. Они так и назывались – сосны тории. Их ветви живописно обрамляли морской пейзаж, но несколько лет назад деревья высохли.

Когда сосновые ветви покрываются новой хвоей, весенняя морская трава окрашивает прибрежные воды в красновато-коричневый цвет. В это время года с северо-запада непрерывно дует муссон, поэтому здесь довольно прохладно, чтобы любоваться красотами.

В храме Хатидай поклоняются богу Ватацуми. Рыбаки издревле верили в бога морей. Они приносят в храм дары и

молятся, чтобы море было спокойным, а корабли – невредимыми.

В храме хранится шестьдесят шесть медных зеркал, среди которых – зеркало восьмого века. В Японии сохранилось всего шестнадцать зеркал эпохи Рикютё. На обратной стороне выгравированы лесные звери – бурундуки и олени. Предание гласит, что в древности звери пришли на Японские острова из лесов Персии, преодолев континенты и моря.

Еще одно красивое место на острове – маяк недалеко от вершины Восточной горы.

Внизу под обрывом, в узком проливе Ирако, соединяющем Тихий океан с бухтой Исэ, непрерывно шумит морское течение. В ветреную погоду волны пролива грохочут бурно, неистово. Через пролив тянется полуостров Ацуми. На его пустынном каменистом побережье, на мысе Ирадзаки, стоит маленький безлюдный маяк.

С этого маяка Тихий океан виден как на ладони. Если кинуть взгляд на северо-восток, через залив Ацуми, особенно в те дни, когда дует сильный западный ветер, можно любоваться, как на рассвете во всем своем великолепии возвышается, затмевая другие горы, Фудзияма.

Когда через пролив Ирако в порты Нагоя и Ёккайти заходят пароходы, смотритель маяка, едва взглянув в подзорную трубу, тотчас распознает названия судов.

Сейчас в объектив его подзорной трубы попало грузовое

судно. Два матроса, переминаясь с ноги на ногу, разговаривают друг с другом.

Через некоторое время в порт входит английское судно. В трубу отчетливо видны две крохотные фигуры, кидające на верхней палубе кольца.

Смотритель маяка сидит в сторожке за столом и записывает в вахтенный журнал время прихода и отхода судов, их курс и позывные. Сведения эти он передает телеграммой в порт, грузовладельцам.

После полудня солнце заходит за Восточную гору и маяк погружается в тень. В ясном небе высоко над морем кружит коршун.

Сначала он слегка выгибает одно крыло, как бы ощупывая воздух, затем – другое. Кажется, что он собирался спуститься, но передумал, отпрынул назад и, расправив, словно паруса, крылья, взмыл ввысь.

На закате из деревни вышел молодой рыбак с огромным палтусом в руке. Он торопился на маяк.

Юноше, высокому и стройному, было всего восемнадцать лет, он только в позапрошлом году закончил школу. Мальчишеское лицо, губы обветрены, нос – как у всех жителей острова. Правда, он не был таким смуглым, как сверстники, а карие глаза его были ясными. К одаренности это не имело никакого отношения, да и в школе он не блистал успехами.

Просто он рыбачил, и море высветлило его глаза.

Сегодня он целый день проходил в рыбацкой одежде – в штанах и грубом свитере, доставшихся в наследство от покойного отца.

Юноша прошел через опустевший школьный двор, поднялся по склону горы, где стояло водяное колесо. Каменная лестница вывела его на задворки храма Хатидай. На ветках персиковых деревьев в сумерках белели цветы. До маяка отсюда неспешным шагом – минут десять.

Дорога была крутой. Люди, не привыкшие ходить по ней, спотыкались даже днем, однако юноша мог бы ловко перешагивать через камни и сосновые корневища даже с закрытыми глазами. Вот и сейчас, задумавшись, он ни разу не споткнулся.

Катер «Тайхэй», на котором работал юноша, вернулся в порт Утадзимы только на закате. Каждый день хозяин катера заводил мотор и вместе с юношей и еще одним пареньком отправлялся на лов. Сегодня они вернулись в порт, перегрузили улов в кооперативную лодку, потом вытащили катер на берег. По пути домой юноша решил заглянуть на маяк, потому и прихватил для смотрителя рыбинку. Над побережьем смеркалось, раздавались возгласы рыбаков, которые вытаскивали на берег свои лодки.

К стоявшей на песке массивной деревянной раме соробан прислонилась незнакомая девушка – отдыхала. Когда на бе-

рег лебедкой вытащили моторку, на дно лодки стали укладывать снасти, которые нужно было отвозить по частям в Камигату. Девушка отнесла раму, вытерла лоб. Ее щеки пылали. Холодный западный ветер становился порывистым. Девушка подставляла ему покрасневшее лицо. Казалось, она наслаждается ветром, раздувающим ее волосы. На ней был ватник без рукавов, на руках – грязные перчатки, а цвет лица – здоровый, как у других женщин. Ее глаза были ясными и спокойными. Она пристально смотрела на море, над которым в уже черневших облаках медленно угасало солнце.

Юноша напряженно пытался припомнить ее лицо. На Утадзиме все жители знают друг друга, поэтому чужого человека видно с первого взгляда. Однако по одежде не скажешь, что девушка не из их деревни. Она стояла в стороне, глядя на море, – только этим и выделялась среди других женщин.

Юноша нарочно прошел рядом с девушкой. Он разглядывал незнакомку почти в упор, словно ребенок, нашедший любопытную вещь. Девушка не удостоила его вниманием – лишь хмуро смотрела на море.

Удовлетворив свое любопытство, юноша быстро пошел дальше. Он поднимался по горной дороге к маяку, а сам по-прежнему думал о незнакомке. Только сейчас его щеки вспыхнули от стыда.

Он постоял среди сосен, окинул задумчивым взглядом море, прислушался, как грохочет внизу прибой. Луна еще

не взошла, море темнело. Из суеверия он обошел Ведьми-ну гору стороной. У местных жителей бытовало поверье, что здесь живет злой дух в облике женщины. Наконец юноша увидел в окнах сторожки яркий свет. В деревне теперь всегда было темно – генератор давно вышел из строя.

Из благодарности он часто приносил рыбу смотрителю маяка. Два года назад он мог провалиться на выпускных экзаменах. Его мать познакомилась с женой смотрителя, когда ходила собирать сосновую хвою вблизи маяка. Она пожаловалась, что едва сводит концы с концами, а тут еще сына могут оставить на второй год. Женщина поговорила с мужем, тот встретился со своим приятелем – директором школы. Парню повезло, и экзамены он сдал.

Юноша окончил школу, подался в рыбаки. Обласканный смотрителем и его женой, он часто приносил им на маяк что-нибудь из улова.

Дом смотрителя был казенным, и при нем имелся небольшой огород. Дальше начиналась выщербленная бетонка, что вела прямиком на маяк. За стеклянной дверью кухоньки двигалась тень хозяйки. Видимо, готовит ужин. Юноша окликнул ее с улицы, и хозяйка открыла дверь.

– А, Синдзи-сан!

Юноша молча протянул рыбу, хозяйка взяла ее и громко сказала:

– Отец, Кубо-сан рыбу принес!

Из дальней комнаты послышался добродушный голос зрителя:

– Спасибо, спасибо! Заходи, Синдзи-кун!

Юноша нерешительно остановился на пороге. Палтус уже лежал на большой эмалированной тарелке. Рыба слабо шевелила жабрами, из которых по белому костистому телу сочилась кровь.

Глава вторая

На следующее утро Синдзи снова вышел в море с рыбаками. Небо еще было затянуто белой предрассветной дымкой.

Чтобы добраться до места лова, обычно уходило около часа. На парне был свитер, поверх него – черный резиновый передник; на ногах – резиновые сапоги до колен, на руках – резиновые перчатки. Он стоял на баке и, всматриваясь в Тихий океан под серым утренним небом, вспоминал вчерашний вечер: как возвращался домой с маяка, как укладывался спать.

...Мать и младший брат, дожидаясь его возвращения, сидели у печки в маленькой кухоньке с тусклой лампой под потолком. Младшему брату исполнилось двенадцать. Их отец погиб от пули в последний год войны, и, пока Синдзи не стал рыбаком, мать одна содержала семью, зарабатывая на жизнь ловлей жемчуга и губки.

– Уцунага-сан обрадовался?

– Да, очень! Приглашал зайти на чашечку какао.

– Что такое какао?

– Что-то вроде супа из красной фасоли.

Мать ничего не понимала в кухне. Она умела приготовить сасими, разные соленья, сварить или поджарить неразделанную рыбину. На тарелке лежал сваренный целиком морской петух, пойманный сыном. На зубах Синдзи скрипел песок –

мать плохо промыла рыбу.

Синдзи надеялся, что за ужином мать проговорится о той незнакомке с побережья. Однако мать была не из тех, кто любит жаловаться на жите и слушать сплетни односельчан.

После ужина он повел младшего брата в деревенскую баню, где тоже мог услышать что-нибудь о девушке. Время уже было позднее, и в бане плескалось несколько человек. Вода в офуро была грязной, в помещении эхом отдавались низкие грубые голоса. Начальник почты и бригадир рыболовецкой артели сидели в офуро и дискутировали о политике. Братья молча кивнули им и пристроились с краю. Сколько ни прислушивался Синдзи к разговору, они ни единым словом не обмолвились о незнакомке. Вскоре младший брат вылез из офуро. Синдзи поплелся за ним, спросив, что за спешка. Брат без обиняков признался, что сегодня стукнул бригадирского сына по голове, когда они сражались на мечах, и тот разревелся.

Синдзи обычно засыпал легко, стоило лишь положить голову на подушку, но этой ночью его что-то грызло, и он несколько раз просыпался. Он никогда в жизни ничем не болел, поэтому подумал: «Не захворал ли?»

На следующее утро его вновь охватило странное беспокойство. Однако за привычной работой, которой Синдзи отдавался всеми силами, он не заметил, как успокоился вновь. Перед ним простиралось бескрайнее море. Работал движок, катер мелко трясло. Резкий утренний ветер хлестал юношу

по щекам.

Огни маяка на обрывистом правом берегу уже погасли. В проливе Ирако пенились волны, ярко-белые брызги долетали до деревьев, окутанных весенним утренним туманом. Катер «Тайхэй» мягко пересекал морской водоворот. За рулем стоял опытный бригадир. Если бы через пролив проходило большое судно, пришлось бы идти узким фарватером между двумя подводными рифами, над которыми всегда бурлят и пенятся волны. В этом месте стоит много ловушек на осьминога. На волнах покачивались поплавки.

На Утадзиме большей частью промышляют осьминога. Путина начинается зимой и заканчивается весной, в неделю весеннего равноденствия. Вода в бухте Исэ холоднее, осьминог уходит на глубину в Тихий океан. Больше ловить нечего.

С тихоокеанской стороны острова была отмель. Опытные рыбаки знали на ощупь каждый участок морского дна и промышляли там как в собственном огороде.

– Морское дно мутное, а мы как слепые массажисты, – говорили они.

Они выбирали направление по компасу или ориентировались по горам на отдаленном мысе. По расположению лодок определяли рельеф морского дна, где стояли сотни ловушек. Веревками их привязывали к поплавкам, и те покачивались на поверхности. И бригадир, и рулевой были опытными рыбаками, поэтому вся тяжесть работы ложилась на их плечи.

Синдзи вместе с напарником тоже старался как мог.

От морских ветров лицо бригадира Оямы Дзюкити огрубело. Загар проникал даже в глубокие морщины, в изрезанные руки въелась грязь. Бригадир держался спокойно, смеялся редко, никогда не повышал голоса, если сердился или отдавал распоряжения.

Если во время лова переходили на другое место, Дзюкити заводил мотор обеими руками, весел из воды не вынимал. В открытом море рыбаки иногда подплывали друг к другу перекинуться парой слов. На новом месте Дзюкити убавил скорость и кивнул Синдзи, чтобы тот смотал приводной ремень на валик. Пока катер шел на малой скорости между буйами, оба юноши по очереди вытаскивали линь с ловушками и наматывали его на шкив. Если отяжелевший от воды линь постоянно не перехватывать, он может выскользнуть из рук и уйти под воду, поэтому требовался крепкий напарник. Сквозь облака на горизонте пробивались слабые лучи солнца. Вытянув над водой длинные шеи, плавали бакланы. Все скалы на южной стороне Утадзимы побелели от их помета.

Ветер усилился, похолодало. Синдзи наматывал линь на шкив, глядя в темно-синее море. Казалось, парня переполняла энергия. Шкив продолжал крутиться. Линь был прочным и холодным, от него во все стороны летели ледяные брызги. Вскоре появились ловушки цвета красной глины. Если ловушки оказывались пустыми, его напарник Тацудзи

проворно выплескивал из них воду и, почти не касаясь шкива, снова стравливал линь в море.

Синдзи стоял на носу катера и, широко расставив ноги, вытягивал из моря ловушки. Улова не было ни в одной. Юноша напрягался изо всех сил, однако и море не уступало – возвращало пустые ловушки, словно в насмешку.

Они прошли уже метров двести. Синдзи тянул линь, Тацудзи выливал из ловушек воду. Дзюкити оперся о весло и молча наблюдал за работой парней.

Спина у Синдзи стала мокрой. Капельки пота блестели у него на лице, щеки горели. Постепенно солнце стало рассеивать облака.

Не глядя на море, Тацудзи складывал ловушки вверх дном. Когда Дзюкити остановил шкив, Синдзи бросил взгляд на ловушки, впервые за все время. Тацудзи пошарил в одной деревянной палкой, но оттуда ничего не выпало. Он потыкал еще раз. Нехотя, словно спросонья, изнутри выскользнул осьминог и присел, подогнув щупальца. Хлопнула крышка садка рядом с машинным отделением. И первый осьминог шумно обрушился на дно.

Катер «Тайхэй» промышлял осьминогов до полудня. Поймали всего пять штук. Ветер унялся, выглянуло солнце. «Тайхэй» пересек пролив Ирако и вернулся в бухту Исэ. Ловить здесь было запрещено, но рыбаки все-таки не гнушались порыбачить тайно.

Обычно ловили так: в ряд цепляли на лить крепкие крючки и прочесывали морское дно, словно граблями. Лины со множеством крючков прикрепляли параллельно друг другу к канату, который опускали в море. За один раз они поймали четыре плосколоба и три морских языка. Синдзи голыми руками снимал рыбу с крючков. Сначала плосколоб белым брюхом плыл на поверхности, но через мгновение шлепнулся на палубу и замарал ее кровью. В маленьких глазах рыбы, упрятанных под кожные складки, и на мокром черном туловище отражалось голубое небо.

Настало время второго завтрака. Дзюкити расположился на люке машинного отделения и стал готовить сасими из только что пойманного плосколоба. Разделил его на троих на крышке алюминиевой коробки для завтрака, из бутылочки полил мясо соевым соусом. Трое рыбаков взяли коробочки с завтраком: вареный ячмень с рисом и три кусочка маринованной редьки. Лодку слегка покачивало на волнах.

– Знаете, старик Тэруёси Мияда снова вызвал к себе дочь?

– Нет, не знаю!

– Я тоже не слышал!

Юноши повернули головы. Дзюкити продолжал:

– У старика Тэруёси четыре дочери и один сын. Три дочери уже замужем, а четвертая, красавица, была ныряльщицей на Старом мысе, на полуострове Сима. Но единственный сын старика, Мацу, умер в прошлом году от какой-то болезни в груди. А жена у него умерла еще раньше. После этого

Тэруёси так осунулся. Вот он и пригласил Хацуэ к себе жить и даже собирается принять зятя под свою крышу. Хацуэ выросла красавицей. Видная девушка. А вам она как, парни? Пожениться не хотите?

Синдзи и Тацудзи переглянулись и рассмеялись. Загар на лицах парней не мог скрыть их смущения.

Когда бригадир рассказывал о дочери Тэруёси, Синдзи представлял ту незнакомку на берегу. «Я же беден», – подумал он и поник духом. Он не мог позволить себе даже мечтать о дочери богатого старика Тэруёси. В деревне старик славился седой бородой, которая часто тряслась от его гнева. Тэруёси владел большими грузовыми судами «Весенний ветер» и «Утадзима» – они работали во фрахте на грузовой линии «Ямакава».

Синдзи размышлял здраво. Он понимал, что ему, восемнадцатилетнему парню, еще рано думать о девушках. В городе у молодежи много сомнительных соблазнов, но на острове не было ни игровых автоматов, ни питейных заведений. Даже ни одной официантки не водилось. Поэтому все мечты юноши были бесхитростны. Он мечтал о своей парусно-моторной лодке, на которой будет вместе с братом заниматься прибрежными перевозками.

Вокруг Синдзи простиралось безбрежное море, но фантазии в нем оно не будило. Море для рыбаков – что земля для крестьян. Правда, вместо рисовой рассады и ячменя там шелестели пенные волны, словно молодая поросль на вспа-

ханных землях. На море проходила вся жизнь рыбаков.

На горизонте, плывшем вечерними облаками, появился неизвестный океанский лайнер. Именно на нем теперь остановился потрясенный взгляд Синдзи. Корабль шел из дальних неведомых стран, о которых юноша никогда и не помышлял. Знания юноши об огромном мире были сродни далеким смутным раскатам грома.

Синдзи сидел на корме скрестив ноги. Его голова была повязана белым полотенцем. Рядом сушилась маленькая морская звездочка. Он отвел взгляд от алевших на горизонте облаков.

Глава третья

В тот вечер Синдзи отправился на очередное молодежное собрание. Раньше молодежные пансионы назывались ночлежками, но теперь их переименовали. Однако по-прежнему многие молодые люди предпочитают собираться всей компанией по ночам в убогих комнатенках на побережье, а не ночевать у себя дома. О чем они там только не говорят – о гигиене и образовании, о спасении тонущих кораблей и подъеме затонувших, о фестивале львиных масок на Дне поминовения усопших. В общем, молодежь примеряет на свои плечи заманчивые тяготы взрослой жизни.

В закрытых ставнях свистел морской ветер, время от времени неожиданно вздрагивала лампа, и свет в комнате мигал. Казалось, ночное море вплотную подступает к общежитию: волны прилива грохотали совсем близко, заглушая разговор ребят. Иногда на их веселых лицах, освещенных тусклой лампой, возникало беспокойство, но оно вскоре сменялось бравадой.

Вошел Синдзи. Под лампой на корточках сидел паренек – товарищ подстригал его ржавой машинкой. Синдзи улыбнулся, присел на пол у стены и обхватил руками колени. Как обычно, он молча слушал беседы друзей.

Молодежь хвасталась сегодняшним уловом, громко смеялась, без всякого стеснения отпуская крепкие словечки. Кто-

то самозабвенно читал журнальную подшивку за прошлый месяц.

Другой парень с интересом разглядывал комиксы. Если юмор не доходил до него сразу, его не по возрасту большая и костлявая рука придавливала эту страницу, и спустя минуты три он взрывался от хохота.

Сплетничали о незнакомке. Один паренек с кривыми зубами рассмеялся во весь рот:

– А знаете, что говорят о Хацуэ...

Синдзи не расслышал... Обрывки слов, шепот. Смех заглушил все подробности. Его сердце неприятно задело одно лишь насмешливое упоминание имени девушки. В груди екнуло, щеки зарделись. Только это и выдало какое-то внутреннее напряжение. Он продолжал сидеть молча, не шевелясь. Настроение испорчено. Синдзи приложил ладони к щекам. Такие горячие – словно чужие. Эти разговоры ранили его самолюбие, и негодование распалаяло щеки еще сильнее.

Все ждали, когда придет Ясуо Кавамото, девятнадцатилетний вожак молодежной ячейки. Он родился в зажиточной семье, и у него имелся талант увлекать за собой людей. С ранних лет он знал, как произвести впечатление, как выглядеть значительным. На собрания он всегда приходил с опозданием.

Решительно открылась дверь – пожаловал пухлый Ясуо. Лицо его покраснелось. По всему чувствовалось, что он унаследовал питейную лавку отца. Тонкие брови придавали

его лицу хитроватое выражение, хотя в подлости Ясуо никогда не уличали. Он говорил правильно и красиво.

– Прошу прощения за опоздание. Итак, приступим. Сегодня обсудим, чем будем заниматься в следующем месяце, – произнес он, усаживаясь за стол и раскрывая тетрадь.

Ясуо почему-то торопился или, может быть, нервничал.

– На повестке дня у нас следующие мероприятия. Во-первых, создать общество почитания стариков. Во-вторых, для укладки сельской дороги необходимо организовать транспортировку строительного камня. Кроме того, деревенское собрание обратилось к нам с просьбой помочь выкопать канаву для истребления мышей. Этой работой будем заниматься все вместе в штормовые дни, когда нельзя выходить в море. Что касается крысиного яда, то о нем беспокоиться не стоит – его достаточно. Пусть только попробуют эти господа убежать за границу дренажной системы!

Все рассмеялись.

– Ну и дела! – произнес кто-то.

Прежние плановые мероприятия – лекции по гигиене, которые читал школьный врач, и состязание в красноречии – были выполнены. После новогодних праздников молодежь, пресыщенная всяческими торжествами и вечеринками, неохотно принимала новые затеи.

После сообщения вожака начались критические выступления по поводу коллективного издания «Необитаемый остров» – печатного органа молодежной организации. Один

книгочей, пытаясь отразить нападки противников, завершил свою речь цитатой из Верлена:

И со стоном усталым, В исступленье тупом, Волны стынувшим лбом Прижимаются к скалам...¹

– Кто такой Верлен?

– Выдающийся французский поэт.

– Понятно, что французский! Меня интересует, к какому течению он принадлежал?

На этом очередное собрание закончилось. Ребята по привычке препирались друг с другом. Вскоре председатель ячейки поспешил домой. Синдзи не понял, куда он так торопится, и спросил у кого-то.

– Разве ты не в курсе? – ответил тот. – Старик Тэруёси Мияда собирает застолье. Его дочь вернулась.

Синдзи на вечеринку никто не приглашал. Сначала он шел домой с другом, оживленно болтая обо всякой чепухе, но вскоре, как обычно, оказался один. Его путь лежал вдоль побережья до лестницы к храму Хатидай. На склоне громоздились дома. Свет горел только в доме Мияды. Лампы у всех хозяев были одинаковыми. Признаков большого веселья не наблюдалось. Юноша представлял себе, как чувствительное пламя освещает лицо девушки, ее спокойные брови; слегка вздрагивает тень от длинных ресниц на ее щеках...

Синдзи подошел к нижним ступеням, бросил взгляд на

¹ Строчка из стихотворения *Поля Верлена* (1844–1896) «Морское» из сборника «Сатурнические стихотворения» (1866), перевод Мориса Ваксмахера.

белую каменную лестницу под выщербленной тенью сосен. Его гэта стучали деревянными подошвами. У храма не было видно ни одной человеческой тени. У священника свет уже погасили.

На одном дыхании преодолев двести ступеней и оказавшись перед храмом, юноша благочестиво склонил голову. Его грудь тихо вздымалась. Он бросил десятииеновую монету в ящик для пожертвований. Немного подумав, опустил еще одну. Потом хлопнул в ладони, и храм отозвался эхом. Юноша стал молиться:

– Боги, молю вас о спокойном море, хорошем улове, о процветании деревни! Мне еще мало лет, так помогите мне набраться опыта и мастерства. Когда-нибудь мне придется выходить в море самостоятельно, поэтому дайте мне хорошую лодку, хорошую погоду, тихое море! Сохраните от болезней милую матушку и младшего брата! Оберегите маму от опасностей, когда она снова будет погружаться в морские глубины, чтобы ее не схватила судорога! И еще, может быть, не вовремя, но есть у меня одна просьба к вам, мои боги: помогите мне встретить девушку, красивую и хорошего нрава! Например, как дочка старика Тэруёси Мияды...

Поднялся ветер, разбудил сосны. Ветви всполошились. Ветер ворвался во мрак храма. Из глубины донеслось величественное эхо, словно сам бог моря одобрительно отзывался на молитвы юноши.

Синдзи запрокинул голову к звездному небу, глубоко

вздохнул. У него мелькнула страшная догадка:

– А вдруг боги рассердятся на такую своевольную молитву и нашлют на меня небесную кару?

Глава четвертая

Прошло полтора месяца. Дни стояли ветреные. Ревели и высоко вздымались волны, разбиваясь о портовую дамбу. Море вскипало белыми пенистыми гребнями.

Потом прояснилось. Однако из-за сильного ветра рыбаки продолжали «сушить весла». Мать велела Синдзи забрать хворост, который она собрала на вершине сопки, у развалин военного наблюдательного пункта. Мать приготовила там вязанку хвороста и перетянула ее красным лоскутом. До полудня молодежь возила строительный камень, и только после работы Синдзи пошел за хворостом.

Взвалив на спину носилки, он вышел из дому. Дорога лежала мимо маяка. Когда Синдзи обходил стороной Ведьмину гору, неожиданно унялся ветер. Юноше показалось, что ветер заигрывает с ним. Дом смотрителя стоял погруженный в полуденный сон. Из сторожки доносилась музыка по радио, сам смотритель сидел за столом. Синдзи запыхался, пока взбирался по крутому склону. Сквозь ветви сосен виднелись горы.

Вблизи не было ни людей, ни собак. Местные жители поклоняются богу Убусунагами – покровителю этих земель. Наделы на склонах здесь неширокие, поэтому рабочий скот не используется. Из домашней живности крупнее кошек никого не держат. Лениво помахивая хвостами, кошки про-

хаживались по вымощенным улочкам между рядами домов или отсиживались в тени.

Юноша поднялся на вершину. Это было самое высокое место на острове, но травы и вечнозеленый кустарник закрывали вид. Из-за кустарника доносился шум волн. Травой поросла даже дорога, сбегавшая отсюда на юг, к развалинам наблюдательного пункта. Чтобы добраться до него, предстояло пройти немало.

Вскоре в сосновой роще среди дюн показалось трехэтажное железобетонное сооружение. Белые развалины грозно возвышались среди безмолвного пейзажа. Люди не любили бывать в этих местах. Раньше на балконе второго этажа стоял солдат с биноклем. Когда орудия пристреливали по мишеням на средней горе напротив пролива Ирако, он проверял результаты попаданий и докладывал в штаб. Так протекала солдатская служба до середины войны, а потом со склада неизвестно куда стало пропадать продовольствие. Солдаты всю вину сваливали на лис да оборотней.

Юноша заглянул на первый этаж здания. Там лежала целая груда сосновых веток. Видимо, первый этаж когда-то приспособили под кладовую. Окно с неразбитым стеклом было довольно маленьким. В слабом свете Синдзи приметил вязанку с хворостом. К одной веточке была прицеплена красная тряпица с его именем – «принадлежит Кубо». Иероглифы были намалеваны неумелой рукой.

Синдзи перевязал хворост, положил на носилки. Поклажу

взвалил на спину. Он давно здесь не бывал. Жалко возвращаться, не осмотрев здание, поэтому Синдзи снова положил вязанку на пол и поднялся по железобетонным ступенькам.

Наверху послышался слабый звук, будто на камни упала деревяшка. Юноша насторожился. Все тихо. Вероятно, померещилось. Он поднялся по лестнице. В широком окне без рамы и стекол виднелось пустынное море – оно заполняло весь оконный проем. Балкон оказался без железной решетки. На закопченных стенах белели неприличные солдатские надписи.

Синдзи поднялся на третий этаж. Задержал взгляд на разрушенном постаменте. В прежние времена здесь поднимали государственный флаг. На этот раз всхлипы раздались отчетливо. Кто-то плакал. На ногах у Синдзи была спортивная обувь, и он стремительно поднялся наверх, беззвучно вошел в комнату.

И не столько испугался неожиданно возникшей перед ним фигуры, сколько обомлел от удивления. Ведь это Хацуэ! Вся в слезах, она остолбенела от страха. Синдзи не поверил собственным глазам – такая негаданная и счастливая встреча! Они настороженно, с любопытством обменивались взглядами, как два зверька, что встретились в лесу и ждут друг от друга нападения. Синдзи опомнился первым:

– Тебя зовут Хацуэ?

Девушка кивнула. И только спустя некоторое время на ее лице отразилось удивление: «Откуда этому парню известно

мое имя?» Но она, кажется, вспомнила юношу, его серьезные черные глаза, пристальный взгляд...

– Не ты ли это плакала?

– Я.

– А чего плакала?

Синдзи спрашивал, словно полицейский.

Вопреки его опасениям девушка торопливо заговорила. Она объяснила, что жена зрителя по просьбе деревенских девушек открыла кружок по этикету. А она пошла сегодня на первое занятие, но решила сократить путь, стала подниматься на гору Ураяма, подвернула ногу и вдобавок ко всем неприятностям заблудилась.

На их головы упала тень птицы. Сокол-сапсан. Синдзи решил, что это добрая примета. Через некоторое время к нему вернулось мужское самообладание, а язык, застрявший во рту узлом, развязался. Дорога домой лежала мимо маяка, и он предложил девушке проводить ее. Та улыбнулась, не подумав даже вытереть слезы. Ее лицо просветлело, словно небо после дождя.

На Хацуэ были черные шерстяные штаны, красный свитер, красные бархатные таби и гэта. Девушка и юноша поднялись наверх, подошли к бетонному краю крыши. Глядя на море, девушка спросила:

– Что это за здание?

Синдзи остановился поодаль, облокотившись на парапет.

– Это наблюдательный пункт. Отсюда солдаты следили за

тем, куда летят снаряды, – пояснил он.

С южной стороны острова было безветренно – мешали горы. Тихий океан, купавшийся в лучах солнца, лежал как на ладони. Над обрывом росли сосны, под ними выступали белые скальные отроги. Прибрежные воды из-за бурых водорослей казались темными. Бурные волны взметали белые брызги вокруг высокой скалы. Синдзи показал на нее пальцем и сказал:

– Вон там Черный остров. Смотри, как волны уносят инспектора Судзуки! Он всегда там рыбачит.

Синдзи был необыкновенно счастлив – с минуты на минуту ему предстоит провожать девушку до самого дома смотрящего. Всем своим нутром он ощущал, как приближается это мгновение.

– Ну, я пойду, пожалуй, – сказала девушка.

Синдзи, не обронив ни слова, с изумлением посмотрел на Хацуэ. На ее красном свитере наискось через всю грудь красовалась черная полоса. Хацуэ ее тоже заметила: грязную полосу оставил бетонный парапет. Склонив голову, она похлопала по свитеру ладонью. Синдзи с восторгом наблюдал за ее движениями. Казалось, колышутся не девические груди, а забавляются друг с другом два маленьких зверька. Юноша взволнованно следил за мягкими и упругими движениями. Грязь исчезла.

Синдзи пошел впереди, Хацуэ следом. Он слышал, как цокот гэта девушки за его спиной эхом раздается в стенах раз-

важин. Вдруг между вторым и первым этажами звуки ее шагов затихли. Синдзи обернулся. Девушка смеялась.

– Что такое?

– Я замаралась, а ты еще чернее!

– Что такое?

– Да ты почернел на солнце!

Юноша рассмеялся и живо пустился вниз по лестнице. Он едва не ушел с пустыми руками и улыбкой на губах, но вовремя вспомнил о материнской вязанке хвороста.

Только по дороге на маяк Синдзи впервые назвал себя по имени – и то после того, как девушка спросила. Он шел впереди с вязанкой сосновых веток за плечами, она – чуть позади. Назвав себя, он попросил не упоминать его имя и вообще не рассказывать о встрече с ним посторонним. Синдзи хорошо знал, какими болтливыми бывают односельчане. Хацуэ обещала помалкивать. У них были основания остерегаться деревенских жителей, которые страсть как любили почесать языки и могли всякого наговорить об их случайной встрече. Теперь их связывала эта тайна.

Синдзи молчал всю дорогу – в его голове ни разу не возникла мысль назначить девушке свидание. Наконец они добрались до горы, на которой возвышался маяк. Юноша объяснил девушке, как спуститься к дому смотрителя, и, решив вернуться окольной дорогой, сказал, что здесь они расстанутся.

Глава пятая

До встречи с девушкой невзрачная и бедная жизнь юноши была вполне спокойной, затем все изменилось. Синдзи стал задумчивым. Его терзала мысль, что он несколько не заслуживает внимания Хацуэ. Прежде он не болел ни корью, ни другими болезнями, был здоровым парнем – мог даже проплыть пять раз вокруг острова и уверенно побеждал своих товарищей в борьбе, – однако он робел перед Хацуэ, не помышляя о том, как привлечь к себе ее внимание.

С тех пор они больше не встречались. Каждый раз, возвращаясь с рыбалки, он рыскал глазами по побережью, замечая иногда ее фигуру. Старательный, всегда занятый работой, он никогда не находил свободной минуты, чтобы хоть словом перекинуться с той девушкой, что когда-то одиноко и задумчиво смотрела в морскую даль, облокотившись на соробан. Вскоре мысли о ней стали утомлять его. В тот день, когда Синдзи решил больше не терзаться размышлениями о девушке, он вновь мельком увидел ее на берегу среди рыбаков.

В больших городах, в отличие от Утадзимы, молодежь познавала уроки любовных отношений по книгам и фильмам. Синдзи же часто вспоминал тот случай, когда остался с девушкой наедине. Те минуты, пока они шли от развалин наблюдательного пункта к маяку, казались ему самыми драго-

ценными. Впрочем, на ум не приходило ни одной мысли о том, как должен себя вести в подобной ситуации юноша. В глубине души остался осадок недовольства собой или раскаяния: он упустил шанс совершить что-то очень важное.

Приближалась годовщина смерти отца. Всей семьей они собрались на кладбище. Синдзи каждый день уходил в море, а младший брат – в школу. Они решили навестить могилу до того, как оба уйдут по своим делам. Мать взяла цветы и ароматические свечи, и они втроем вышли из дому. Дверь осталась незапертой – на острове никогда не случалось краж.

Кладбище находилось на окраине поселка, на невысоком утесе над морем. Волны прилива подмывали его. Бугристый склон был весь заставлен каменными надгробиями. Из-за рыхлой песчаной почвы некоторые могилы просели или наклонились набок.

Они вышли еще затемно. Со стороны маяка немного посветлело, а над поселком и портом еще нависала ночь. Синдзи шел впереди с бумажным фонариком. Младший брат тащился следом за матерью, держась одной рукой за ее рукав. Протирая сонные глаза, он канючил:

- Сегодня на завтрак хочу четыре охаги.
- Что ты, можно только две! А то еще живот заболит!
- Хочу четыре колобка! – выпрашивал тот.

Рисовые колобки охаги, которые готовили на День поминовения и День небесного воина², от обычных колобков от-

² Буддийский праздник.

личались величиной. Они были такого размера, что впору класть под голову вместо подушки.

Над могилами веял прохладный утренний ветерок. Где-то над океаном занимался рассвет, но прибрежные воды были еще темны в глубокой тени острова. Скорей бы уж бухта Исэ в ложбине гор вышла из мрака.

Каменные надгробия стояли в тусклом предутреннем свете, словно белые парусники на якоре. Кладбище напоминало порт: паруса обвисли, отяжелели и окаменели. Эти паруса никогда больше не наполнит ветер. Вечное безветрие приковало их к этим берегам. Якоря впились глубоко в грунт, их никогда не поднимут из темных глубин.

Все встали перед отцовской могилой, мать поставила цветы, чиркнула спичкой. Ветер погасил пламя. Она сожгла несколько спичек, прежде чем задымились ароматические свечи. Затем велела сыновьям молиться, а сама стала причитывать у них за спинами.

В поселке ходила присказка: «Женщина в упряжке, бонза погоняет». Однажды умерла старуха. Ее тело на кооперативной лодке повезли на остров Тоси для судебно-медицинской экспертизы. В трех милях от Утадзимы на них налетел бомбардировщик «В-24». Он бросал бомбы и стрелял из пулемета. В тот день штатный механик остался на берегу, а его заменял неопытный парень. Двигатель постоянно глох. Когда его заводили, поднимались клубы дыма – хорошая мишень для вражеского самолета...

Отец Синдзи стоял рядом с трубой в тот момент, когда ее разнесло вдребезги. У второго рыбака вырвало из орбит глаза, и он умер мгновенно. Третьему изрешетило пулеметной очередью легкие. У четвертого оторвало ноги. Еще одному вывернуло ягодицы, он тоже мгновенно умер от потери крови.

На палубе и в трюме образовалось кровавое озеро. Поверх крови растекался керосин из пробитого топливного бака. Один член экипажа лежал в луже лицом вниз с растерзанными бедрами. Четверо других спаслись – спрятались в холодильнике, в носовом трюме. Человек, стоявший на капитанском мостике, в панике полез через иллюминатор и, на свою беду, застрял в нем.

Из одиннадцати человек команды погибли трое рыбаков, однако ни единая пуля не попала в труп старухи, лежавший на палубе под рогожей. После смерти отца его лодку в море выпускать запретили.

– Отцу тогда было очень страшно, – сказал Синдзи, оглядываясь на мать. – Ведь взрывные волны бьют по голове даже под водой.

Чтобы ловить рыбу на глубине в открытом море под постоянным обстрелом, нужно обладать немалым мастерством и мужеством. У ловцов, как у бакланов, должно быть хорошее дыхание. Они дышат через бамбуковый шест, замаскированный птичьими перьями.

– Страшно-то страшно. Что поделать? Он ведь был ры-

бак...

Заговорили об отъезде Хироси на экскурсию через десять дней. В его возрасте Синдзи хлебнул нищеты: раньше не могло быть и речи о подобном путешествии. Однако сейчас из его заработанных денег они собрали небольшую сумму на дорожные расходы для брата.

После кладбища Синдзи сразу направился к берегу готовить катер. Мать вернулась домой, взяла завтрак и принесла сыну до отхода в море.

Юноша поспешил на катер. По дороге он услышал обрывки разговора:

– Говорят, Ясуо Кавамото женится на Хацуэ и будет жить в доме ее отца.

У Синдзи заколотилось сердце, в глазах потемнело.

В тот день ловили осьминогов.

До возвращения в порт Синдзи почти ни с кем не разговаривал: погрузился в работу на целых одиннадцать часов. Его молчание ни у кого не вызывало подозрений – он всегда был таким.

На обратном пути, как обычно, к их кооперативному катеру пристало несколько частных лодок, которые называли торговыми. Перекупщики скупали осьминога и всякую рыбу оптом. На металлической чаше весов бился большеголовый морской карась, сверкая чешуей на закатном солнце.

Деньги рыбакам платили каждые десять дней. Синдзи и

Тацудзи с бригадиром отправились в контору. За десять дней они поймали около ста пятидесяти килограммов. Чистая прибыль с вычетом комиссионных за продажу, технический износ, а также десяти процентов зарплаты, которые перечислялись в сберегательную кассу, составила 27 917 иен. От бригадира Синдзи получил на руки четыре тысячи иен. В начале путины это считалось хорошим заработком.

Юноша, облизнув палец, тщательно пересчитал купюры, расписался в ведомости и спрятал деньги поглубже в карман, под свитер, затем молча откланялся и вышел. У хибати сидели профсоюзный босс и бригадир – они хвастались друг перед другом портсигарами из прибрежной сосны.

Синдзи собирался сразу же вернуться домой, однако ноги невольно свернули к побережью, над которым уже опустились сумерки. Там как раз вытаскивали на берег последнюю шлюпку. Один мужчина крутил лебедку, а второй, усилий которого явно не хватало, помогал тянуть канат. Две женщины, положив счеты под лодку, присоединились к ним, но лодка все равно шла туго. Смеркалось, и поблизости не было видно даже школяров, готовых кинуться подсобить рыбакам. Синдзи решил помочь.

В этот момент одна девушка подняла голову и взглянула на него. Хацуэ! Еще сегодня утром его сердце сжималось от боли. У него пропало желание снова видиться с нею, однако он продолжал идти ей навстречу. Даже в сумерках было заметно, как покраснелось ее лицо, на лбу сияли капельки

пота. Она напряженно смотрела, как вытягивают лодку, ее зрачки тускло поблескивали. Синдзи не мог отвести от нее глаз. Не сказав ни слова, он взялся руками за канат. Тот мужчина, что стоял у лебедки, громко крикнул:

– Взяли! Раз, два!

Руки у Синдзи были сильными – лодка тотчас сдвинулась с места и стала скользить по песку на берег. Женщины забрали с песка свои счеты.

Лодку вытянули, Синдзи пошел домой и уже не видел, что происходило дальше. Хотел было оглянуться, но удержался.

Синдзи открыл раздвижные двери. Пол покрывали красновато-коричневые татами, освещенные тусклым светом. Младший брат лежал на животе под лампой и читал учебник. Мать возилась у плиты. Синдзи прилег на пол прямо в резиновых сапогах.

– С возвращением! – воскликнула мать.

Синдзи нравилось отдавать деньги матери – обычно он протягивал их молча, в свертке. Мать притворялась, что совсем забыла о дне выплаты, сын тоже делал удивленное лицо. Он засунул руку под свитер, нащупал карман. Денег не было. Пощупал другой карман, поискал в штанах. Видимо, выронил на берегу. Не сказав матери ни слова, он выбежал наружу.

После его ухода кто-то постучал в дверь. Мать вышла: в темноте стояла незнакомая девушка.

– Синдзи дома?

– Только что пришел и сразу же куда-то побежал.

– Вот это я нашла на берегу. Здесь написано его имя.

– Ах, правда! Большое спасибо! Наверное, Синдзи пошел

искать.

– Я пойду скажу ему.

– Еще раз огромное спасибо.

На побережье было уже совсем темно. Отражения скудных огней островов Тоси и Суга тихо покачивались в море. Вдоль берега, уткнувшись носом в море, выстроились в ряд рыболовецкие суда. В небе ярко мерцали звезды.

Хацуэ увидела силуэт Синдзи. В тот же миг он, нагнувшись, скрылся за лодкой. Кажется, он ее не заметил. Они встретились в тени первой лодки. Юноша застыл, его взгляд был рассеянным.

Девушка объяснила, что деньги она отнесла матери и пришла предупредить его об этом. Она рассказала, как нашла его дом, расспрашивая людей и всякий раз показывая им его сверток.

Юноша успокоился, вздохнул с облегчением. Он улыбнулся, обнажив белые зубы, и те блеснули в темноте. Девушка дышала тяжело. До берега она почти бежала. «Так вздымаются на море волны», – подумал юноша, глядя на ее грудь. С его души вдруг упала тяжесть – впервые за целый день. Юноша осмелел.

– Это правда, что Ясуо Кавамото собирается на тебе жениться? – бесцеремонно спросил он.

Хацуэ рассмеялась. Она заливалась смехом, пока не начала задыхаться. Синдзи хотел остановить ее, но не посмел, а потом догадался положить ей на плечо руку. Продолжая смеяться, девушка повалилась на песок. Нет, его тяжелая рука здесь ни при чем.

– Кто это тебе сказал?

Синдзи присел рядом на корточки, пожал плечами.

Девушка пришла в себя, серьезно посмотрела ему в глаза. И вдруг снова расхохоталась. Синдзи, не отводя взгляда, переспросил:

– Это правда?

– Что неправда, то неправда!

– Я сам слышал эти слухи.

– Нет, неправда!

Оба сидели в тени лодки, обхватив руками колени.

– Ну и насмешил ты меня! Чуть не умерла со смеху, – сказала девушка, прижимая к груди руку.

Саржевое рабочее платье в полоску было просторным и колыхалось на ее груди свободно.

– Аж сердце заболело, – вновь произнесла она.

– Болит?

Синдзи невольно положил руку ей на грудь.

– Если слегка прижать, то становится лучше, – ответила девушка.

В груди у Синдзи громко заколотилось сердце. Они почти прикасались щеками, ощущая жар друг друга. Оба пахли одинаково – морем. Их обветренные сухие губы соприкоснулись, немного солоноватые на вкус. «Как морская трава», – подумал Синдзи и мгновенно отпрянул. Он поднялся, взволнованный первым поцелуем. Синдзи зарделся от стыда.

– Завтра после рыбалки я понесу рыбу зрителю маяка, – оправившись от смущения, объявил он, глядя на море.

– Я тоже завтра к нему пойду, – ответила девушка, не оборачиваясь.

Они разошлись по разные стороны лодки.

Синдзи собрался домой, но девушка из-за лодки так и не вышла. Ее тень упала на песок.

– Ага, вот ты где! – воскликнул юноша.

И в тот же миг стремительно, словно сорвавшаяся с цепи собака, Хацуэ в грубом полосатом платье выскочила и помчалась вдоль берега со всех ног. Вскоре она скрылась из виду.

Глава шестая

На следующий день после работы Синдзи пошел на маяк, прихватив для смотрителя пару небольших рыбешек окодзэ. Им в жабры он продел прут. Пройдя мимо храма, Синдзи вспомнил, что забыл поклониться и поблагодарить бога за милость к нему, поэтому вернулся совершить обряд.

Помолившись, он глубоко вздохнул и взглянул на залив. Над ним уже вошла луна. Облака, словно древние божества, проплывали над морем.

Он ощущал гармонию природы, не задумываясь о ней. Казалось, невидимая часть этой божественной природы вошла в него вместе с воздухом и растеклась по всему молодому телу, а шумный прибой огромного моря совпал с ритмом бегущей в его жилах крови. Эти ритмы наполняли его жизнь изо дня в день. В другой музыке Синдзи не нуждался.

На вид рыба, которую он нес, была уродливой: над глазами у нее торчали шипы. Она была еще жива, но не шевелилась. Синдзи раздвинул ей челюсти, рыба дернула хвостом. Синдзи немного убавил шаг, решив, что на свое первое свидание идет слишком быстро.

Хацуэ полюбила смотрителя маяка и его жену с первых дней, как стала посещать домашний кружок по этикету. Девушка никогда не молчала, считая, что это нелюбезно; все

время заливалась смехом, и при этом было заметно, как ее щеки заливают румянец. Она была воспитанна, с хорошими манерами, всегда первой спешила ополоснуть чашку после чаепития и помогала хозяйке прибраться на кухне.

У супругов была дочь – она училась в Токио, в университете, и приезжала домой только на каникулы, поэтому они принимали деревенских девушек, что навещали их довольно часто, как собственных дочерей. Они искренне отзывались на все их беды, радовались их удачам.

Смотрителем маяка хозяин работал уже лет тридцать. Внешне он казался суровым. Когда деревенские мальчишки из озорства подкрадывались к маяку, он набрасывался на них с криками – голос у него был громкий, но красивый. Мальчишки боялись смотрителя, однако человеком он был добродушным. Живя одиноко, вдали от всех, супруги полностью утратили представление о человеческом зле. На маяке гостей встречали радушно. У них бывали посетители из самых отдаленных мест, порой не всякий приходил с добрым намерением, однако супруги приветливо встречали каждого, и это отогревало самые ожесточенные сердца. Хозяин частенько говаривал: «У зла короткие ноги, все равно оно дальше добра не уйдет».

Его жена была тоже доброй женщиной. Раньше она учительствовала в сельской школе. За годы жизни на маяке она прочитала немало книг, ее голова была напичкана просто энциклопедическими знаниями. Она бывала в Милане, в Ла

Скала; едва не стала актрисой в Токио, но однажды вывихнула правую ногу. После долгих споров с мужем она все-таки настояла на том, чтобы стать простой домохозяйкой, и ушла в заботы о нем: то штопала ему носки, то стряпала что-нибудь. Когда приходили гости, болтала с ними без умолку. Среди деревенских жителей она славилась красноречием. Однако некоторые, не чуравшиеся совать нос в чужие дела, сравнивали ее со своими молчаливыми женами и сочувствовали смотрителю маяка, уважавшему супругу за эрудицию.

Их казенная квартира состояла из трех просторных комнат. Они сияли чистотой. В столовой на стене висел календарь судовой компании, в ирори никогда не скапливалась зола.

В одном углу гостиной стоял столик. Когда не было дочери, его украшала французская кукла; там же, переливаясь на свету, стоял пустой стакан для карандашей из зеленого стекла. За домом у них была установлена даже ванна гоэмон, которая раньше подогревалась машинным маслом, а потом старый обогреватель заменили газовым. У них даже голубенькое ручное полотенце в уборной всегда было свежевystираным – не в пример другим домам.

Большую часть дня смотритель проводил возле печи, покуривая латунную трубку. Днем маяк не горел. В сторожке сидел только молодой помощник – наблюдал за прохождением судов.

В тот день в кружке по этикету занятий не было. Ближе к вечеру пришла Хацуэ с гостинцем – завернутым в газету трепангом. На ней были темно-синяя юбка и красный свитер; поверх бежевых хлопковых чулок – красные носки.

Когда она вошла, хозяйка скороговоркой произнесла:

– А вот к синей юбке лучше бы надеть черные носки, Хацуэ-сан.

– Хорошо, – ответила Хацуэ, слегка покраснев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.